

Библейское понимание веротерпимости

1700 лет назад произошло судьбоносное событие, которое после евангельских событий стало очередной важнейшей вехой в истории Христианской Церкви, положив начало совершенно новой эпохе. После победы над Максенцием, императоры Августы Константин и Лициний издали эдикт, обращенный к руководителям провинций (наместнику Никомедии), который не только подтверждал легализацию Христианства, как и предшествующий эдикт Галерия, изданный в 311 году, но и объявлял религиозную свободу. Фактически эдикт узаконивал возможность христианской миссии среди населявших империю языческих народов. Поразительно, но спустя множество столетий слова эдикта, касающиеся веротерпимости, звучат необыкновенно свежо и актуально. В эдикте указывалось, что императоры «обсуждали среди прочего то, что сочли полезным для большинства людей, решили, что прежде всего следует рассмотреть интересы тех, кто сохранял богопочитание; согласно чему мы даровали **христианам и всем возможность свободно следовать той религии, какую бы кто не пожелал ...** мы постановили, что необходимо узаконить то, что полагали необходимым всегда, а именно, что **вообще не следует никому отказывать в выборе, если кто-то предал мысли свои богопочитанию христианскому или той религии, какую счел для себя наиболее подходящей**; чтобы всевышняя божественность, святости чей мы следовали бы по доброй воле, могла проявлять во всем свое благоговение и милость» (Лактанций. *О смертях преследователей*, 48:2-3)¹. Однако на практике высказанные здесь слова оказались недостижимым идеалом: в скором времени началось государственное преследование и христианских диссидентов, еретиков и раскольников, таких как донатисты и ариане, и даже самих язычников. Это противоречие между эдиктом, пронизанным духом христианской терпимости и любви, и последующей реальной практикой преследования инакомыслия, подталкивает нас к рассмотрению библейского понимания веротерпимости.

Острота проблемы веротерпимости возникает особенно в контексте монотеистических представлений, в том числе в религиях, которые имеют догматический характер. Любопытно, что уже самый беглый взгляд на библейское отношение к религиозному инакомыслию, свидетельствует о некоторой противоречивости библейского подхода к данному вопросу. Эта

¹ Лактанций, Фирмиан Луций Цецилий. К исповеднику Донату о смертях преследователей / Фирмиан Луций Цецилий Лактанций // Лактанций. О смертях преследователей (*De mortibus persecutorum*) / Перевод с латинского языка, вступительная статья, комментарии, указатель и библиографический список В. М. Тюленева. СПб.: Алетейя, 1998. С. 245-246. Латинский текст дошел в данном сочинении Лактанция. Греческий перевод сохранился у Евсевия Кесарийского (Церковная история, X:5:1-14).

кажущаяся противоречивость касается в равной степени и Ветхого, и Нового Завета.

С одной стороны, если все человечество вышло из рук единого Творца, то этот Творец не может быть безразличен к тому, что люди забывают о нем или подменяют его другими, ложными богами. С другой стороны, если все народы происходят от одного Бога, являясь его творением, его детьми, то разве может любящий Отец ненавидеть своих детей и желать им гибели?

В поисках основы идеи веротерпимости в Библии уже достаточно открыть первые страницы этой священной книги, на которых повествуется о Боге как творце всего мира и всего человечества. Все люди, происходящие от Адама, сотворены по образу и подобию Бога. Впрочем, там же показывается, что не все люди готовы следовать своему предназначению, проявлять послушание своему Творцу, не все готовы идти путем жизни. Живя в испорченном грехом мире, человечество теряет и контакт с Богом и правильное о Нем представление. Поэтому сам Бог, безразличный к делу Своих рук, пытается восстановить утраченные связи. В качестве объекта Своего откровения Он выбирает сначала одну семью, из которой происходит целый народ, который становится народом Бога. В истории о патриархах, исходе и завоевании обетованной земли Единый Истинный Бог предстает в первую очередь как Бог семьи и выросшего из нее избранного народа. Однако это не означает того, что другие народы абсолютно безразличны Богу или ненавидимы им. Уже в первом обращении Бога к Аврааму сам Авраам представляется как миссионер, как тот, через кого к истинному Богу приобщаются другие народы: «И благословятся в тебе все племена земные» (Быт. 12:3)².

Позднее, Бог повелевает уничтожить ханаанские города и их жителей. Но это выглядит как наказание за сознательное противление воли Бога. Это видно из истории о взятии Иерихона: израильтяне уничтожили весь город, но пощадили блудницу Раав. Раав сознательно помогла лазутчикам Иисуса Навина, поскольку понимала и признавала, что земля ханаанская отдана евреям Богом (Ис. Нав. 2:9-10). Поэтому после того, как был уничтожен вместе со всеми жителями город Иерихон, Раав и ее родственники не только остались в живых, но и продолжили жить среди Израиля (Ис. Нав. 6:24). Священный автор Книги Иисуса Навина тем самым показывает, что Бог – источник жизни, кто следует Ему, тот выбирает путь жизни, кто сознательно противится – выбирает путь смерти. Саму же Руфь древние толкователи, например, Иероним Стридонский, воспринимали как прообраз будущей Церкви из язычников³. А Феодорит Кирский в истории о Раав видел

² Цитаты из Ветхого Завета приводятся по Синодальному переводу: Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. В русском переводе с приложениями. Брюссель: Жизнь с Богом, 1989.

³ Библейские комментарии отцов Церкви и других авторов I-VIII веков. Ветхий Завет. Том IV: Исторические книги (часть 1). Книги Иисуса Навина, Судей, Руфи, Первая и Вторая Книги Царств / Пер. с англ., греч., лат. и сир. Под редакцией Джона Р. Фрэнки / Русское издание под редакцией Ю.Н. Варзониной. Тверь: Герменевтика, 2009. С. 46.

свидетельство тому, что Бог через израильский народ призвал к Себе все народы⁴.

С подобной ситуацией мы сталкиваемся и в истории пророка Илии, грозного обличителя идолопоклонства. Ненавистник языческих богов, истребитель жрецов Ваала и Астарты, Илия был абсолютно нетерпим ко всему языческому. Например, у потока Киссон Илия заколол 450 пророков Ваала и 400 пророков Астарты (3 Цар. 18:40). Однако именно этот пророк незадолго перед уничтожением языческих жрецов по повелению Бога (3 Цар. 17:8-9) в период голода в Израиле поселился в доме язычницы, вдовы в Сарепте Сидонской. Илия, по слову которого в Израиле началась засуха (3 Цар. 17:1), чудесным образом кормил языческую семью и даже воскресил сына язычницы. Будучи нетерпим к язычеству и к неверности израильтян по отношению к их Богу, Илия оказывал милости простым язычникам. В древних церковных толкованиях эта языческая вдова воспринималась как прообраз Церкви. «Та вдова, к которой был послан Илия, была образом Церкви, подобно тому как вороны, служившие Илии, были образом язычников», – писал Цезарий Арльский⁵. Воскрешение сына язычницы этот же автор воспринимал как прообраз будущего обновления во Христе язычников⁶. А святой Ефрем Сирий отмечал, что в этой истории Бог предпочел языческий город потому, что язычники хоть и не соблюдали закона Моисея, но, по своему незнанию закона, и не смеялись над этим законом⁷.

Показательна и история Руфи. Руфь, именем которой названа библейская книга, была по происхождению язычницей, моавитяжкой. Но эта язычница, обладавшая рядом достойных человеческих качеств, стала верной Богу Израиля. Обращаясь к матери своего мужа, она сказала: «Народ твой будет моим народом, и твой Бог моим Богом» (Руф. 1:16). В конечном счете, ее сын стал отцом Иессея, отца знаменитый израильского царя Давида, и мессианские ожидания еврейского народа оказались связанными с потомком язычницы Руфи.

Так что вполне очевидно, что библейские авторы стремятся разграничить язычество и язычников. Более того, священные авторы хотели также показать, что Бог является господином всех народов, что Он заботится о всех людях, что в Его замысле объединить все народы вместе и просветить их светом истины. Подобный универсализм в Ветхом Завете находит свое наиболее полное выражение в книгах классических библейских пророков.

⁴ Там же. С. 13.

⁵ Библейские комментарии отцов Церкви и других авторов 1-8 веков. Ветхий Завет. Том V: Исторические книги (часть 2). Книги Царств (3-я и 4-я), Паралипоменон (1-я и 2-я); Ездры (1-я), Неемии и Есфири / Под редакцией Джона Р. Фрэнки / Русское издание под редакцией Ю.Н. Варзонины / Пер. с англ., греч., лат. и сир. Тверь: Герменевтика, 2011. С. 120.

⁶ Там же. С. 122.

⁷ Там же. С. 120.

Пророчества о народах, среди которых находится и еврейский народ, являются существенной частью многих пророческих книг (См., например, Ис. 13-23; Иерем. 46-51; Иезек. 25-39; Ам. 1-2; Авд. 1; Соф. 2-3). Мысль о том, что Бог Израилев является Богом всех народов, было сложно принять многим израильтянам, она казалась неприемлемой даже некоторым пророкам. Но Бог настойчиво утверждал себя как Бога универсального.

Близость Бога к другим народам вызывала ревность у пророка Аввакума. Когда Бог сообщил ему, что орудием наказания неверного еврейского народа станут халдеи, Аввакум выразил негодование: почему Бог допускает нечестивых язычников карать избранный народ? Тогда же Аввакум высказал надежду, что Бог позволил прийти халдеям только ради суда, только для наказания (Авв. 1:12-14).

В этой связи вспоминается и глубокое огорчение пророка Ионы, когда он, узнав о том, что Бог помиловал покающуюся Ниневию, сказал в сердцах: «Лучше мне умереть, нежели жить» (Ион. 4:3). Иона оказался безразличен к судьбе чужого города, который был враждебен к израильскому народу и изначально не знал Бога Израиля.

И уже совершенно революционно звучат слова, произнесенные фекойским пастухом Амосом: «Не таковы ли, как сыны ефиоплян, и вы для Меня, сыны израилевы? – говорит Господь. – Не Я ли вывел Израиля из земли египетской и филистимлян – из Кафтора, и арамян – из Кира?» (Ам. 9:7). В глазах Амоса даже такое знаменательное событие, как исход из Египта, событие, в котором родился еврейский народ, теряло свою уникальность и становилось в ряд санкционированных Богом переселений других народов. Вместе с тем, в контексте эпохи пророка Амоса, эти слова, как отмечает игумен Арсений (Соколов), обличают Израиль в превозношении над другими народами и напоминают об особой миссии Израиля: «Современники пророка забыли, что их народ избран не ради него самого, но чтобы через него благословились все народы земли (Ср.: Быт. 12:3)»⁸.

Чуть позднее и пророк Исайя представил египтян и ассирийцев как народы, которые являются своими Богу, делом рук Бога, получают благословение Бога: «И Господь явит Себя в Египте; и египтяне в тот день познают Господа ... И поразит Господь Египет, поразит и исцелит; они обратятся к Господу, и Он услышит их и исцелит их ... В тот день Израиль будет третьим с Египтом и Ассириею; благословение будет посреди земли, которую благословит Господь Саваоф, говоря: благословен народ Мой – Египтяне, и дело рук Моих – Ассирияне, и наследие Мое – Израиль» (Ис. 19:21-22, 24-25).

Уважение к язычникам и языческой мудрости особенно присутствует в том пласте библейской литературы, который связан с межнациональной литературой мудрости, в библейских книгах, относящихся к древней

⁸ Арсений (Соколов), игумен. Книга пророка Амоса: введение и комментарий / игумен Арсений (Соколов). М.: Новоспасский мужской монастырь, 2012. С. 343.

ближневосточной традиции мудрости. В этих книгах поднимаются проблемы, имеющие общечеловеческий характер, волнующие всех людей, вне зависимости от их религии, национальности, социального положения, места или времени жизни⁹. Поэтому неудивительно, что главным героем Книги Иова является человек не еврейского происхождения, а Книга притчей Соломона и вовсе представляет собой антологию древней ближневосточной мудрости, собрание отрывки произведений различных авторов, среди которых были и язычники. Там мы находим и фрагмент египетского Поучения Аменемопе (Притч. 22:17 – 23:11), и слова Агура и Лемуила (Притч. 30-31).

К этому можно добавить, что грозные слова, которые звучат в устах многих пророков по отношению к чужим народам, не всегда контрастируют со словами этих же пророков, обращенных к еврейскому народу. Бог обличает, угрожает, возвещает наказание и народам, и Израилю. Так что даже наказание языческих народов выглядит, как в случае и с Израилем, средством воспитания, обращения или возвращения народов к Богу.

Бог Израиля – это Бог всех народов. Язычники могут служить Богу, даже не зная Его. Эта идея ярко выражена Исайей Вторым. Пророк называет персидского царя Кира помазанником (т. е. мессией, христом) Божиим: «Так говорит Господь помазаннику Своему Киру: Я держу тебя за правую руку, чтобы покорить тебе народы ... Я назвал тебя по имени, почтил тебя, хотя ты и не знал Меня. Я Господь и нет иного; нет Бога кроме Меня; Я препоясал тебя, хотя ты не знал Меня» (Ис. 45:1, 4-5).

Пророки последовательно проводили универсальное представление о Божестве: Бог Израиля является Богом не только одного Израиля, Он Бог всех людей, всех племен, Он судит народы исходя из общих принципов, в эсхатологической перспективе все народы должны обратиться к Богу и собраться на горе. Эсхатологическое пророчество о том, что между всеми народами возвестится имя Божие, встречается уже у первого письменного пророка, Амоса (Ам. 9:12). Пророки Михей и Исаия одинаково описывают эсхатологическое время, когда гора дома Господня станет местом паломничества всех народов, которые придут научиться путям Божиим и будут «ходить по стезям его» (Мих. 4:1-2; Ис. 2:2-3). Бог будет судить многие народы, итогом чего станет всеобщий мир, «и перекуют они мечи свои на орала и копыя свои – на серпы» (Мих. 4:3; Ис. 2:4).

Исаия Второй, утверждая универсальность Бога Израиля, предвидел грядущее обращение языческих народов и призывал их к этому обращению: «Соберитесь и придите, приблизьтесь все, уцелевшие из народов. Невежды те, которые носят деревянного своего идола и молятся богу, который не спасает ... Ко Мне обратитесь и будете спасены, все концы земли, ибо Я Бог и нет иного. Мною клянусь: из уст Моих исходит правда, слово неизменное,

⁹ Об особенностях библейской литературы мудрости см.: Акимов, В. В. Библейская Книга Екклесиаста и литературные памятники Древнего Египта / В. В. Акимов. Минск: Ковчег, 2012. С. 99-144.

что предо Мною преклонится всякое колено, Мною будет клясться всякий язык» (Ис. 45:20, 22-23). В таком контексте Израиль, обладающий ведением Единого Бога, выступает в качестве миссионера, в роли посредника между Богом и языческими народами. Израиль должен быть миссионером, он должен познакомить с монотеизмом весь мир, так что через него к спасению должны приобщиться все народы.

Итак, для Ветхого Завета характерна нетерпимость к язычеству и относительная терпимость к язычникам, основанная на представлении о единстве человеческого рода, о человеке как творении единого Бога, как носителя образа и подобия Бога, на ожидании возвращения всех народов к своему творцу – Богу. И если говорить о веротерпимости в Ветхом Завете, то это терпимость к языческим народам в ожидании их обращения к Единому Истинному Богу.

В Новом Завете мы также встречаемся с внешне противоречивым отношением к религиозному инакомыслию. С одной стороны, Христос общается с Самарянкой (Ин. 4:7-38), представительницей презируемого иудеями народа, исцеляет раба римского сотника (Лк. 7:2-10) и говорит к своим ученикам такие слова: «Кто не против нас, тот за нас» (Мк. 9:40)¹⁰; с другой – Божественный основатель христианства утверждает: «Кто не со Мною, тот против Меня, и кто не собирает со Мною, тот расточает» (Мф. 12:30). Однако данное противоречие только кажущееся. В словах из Евангелия от Марка, которое, между прочим, было обращено в первую очередь к язычникам, речь идет о человеке, который изгонял бесов именем Христа, но не был среди учеников Иисуса Христа. Во втором случае, в Евангелии от Матфея, речь идет о сознательном неприятии учения Христа, о намеренном противлении истине.

Евангельская весть нацелена на активное взаимодействие с языческим миром. Она не ставила целью создать обособленное сообщество, но – создать всемирную Церковь. Это основывается, как и в Ветхом Завете, на универсальном представлении о Боге как Боге всех народов. Только в случае с Новым Заветом, речь уже идет об Иисусе Христе как Спасителе всех людей, Который приносит Себя в жертву за всех («Ибо так возлюбил Бог мир, что дал Сына Единородного, чтобы каждый верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин. 3:16)), и Который после Воскресения посылает Своих проповедников ко всем народам и ждет обращения всех: «Итак, идите, научите все народы» (Мф. 28:19).

В Новом Завете усиливается тема любви. Иисус Христос учил о необходимости любви ко всем людям, показывая в притче о милосердном самарянине (Лк. 10:25-37) необходимость творить дела милосердия по отношению ко всем, вне зависимости от исповедания, учил о подражании

¹⁰ Цитаты из Нового Завета приводятся в переводе епископа Кассиана (Безобразова) по изданию: Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа / перевод с греческого подлинника под редакцией епископа Кассиана (Безобразова). М.: Российское библейское общество, 1996.

Богу, который заботится о всех людях: «Любите врагов ваших и молитесь за гонящих вас, чтобы стать сынами Отца вашего, который на небесах, потому что солнце свое он возводит над злыми и добрыми и изливает дождь на праведных и неправедных ... Итак, будьте совершенны как совершен Отец Ваш небесный» (Мф. 5:44-45, 48). В дальнейшем апостол народов, апостол Павел, также подчеркнет, что Бог «хочет, чтобы все люди были спасены и пришли к познанию истины» (1 Тим 2:4). Так что выраженная в Ветхом Завете идея миссии среди народов и идея любви Бога ко всем людям, получает в Новом Завете свое наиболее полное воплощение. Бог любит всех. Но свободный выбор все равно остается выбором между жизнью и смертью. Бог терпим в ожидании обращения, поэтому Его терпение нельзя считать безразличием. Бог любит всех, однако Он не может обратить к Себе человека насильно.

Новозаветный образ любящего, терпящего и даже страдающего от человеческой греховности Бога дает образец для христианского отношения к инакомыслящим. Человек должен проявлять долготерпение к людям иной веры. Но это должна быть терпимость в надежде на свободное обращение. Оружием христиан может быть только слово и любовь. Великая сила слова, особенно мудрого слова, осознавалась и в Ветхом Завете: «Слова мудрых, *высказанные* спокойно, *выслушиваются лучше*, нежели крик властелина между глупыми. Мудрость лучше воинских орудий» (Еккл. 9:17-18). Единственный меч христиан – убеждение в духе христианской любви. И сама история показывает, что силовые методы в решении религиозных споров совершенно бессильны. Константин Великий, один из авторов Миланского эдикта, в конечном счете, сам осознал бесперспективность силовых методов в борьбе с религиозным инакомыслием. Это видно и в том, что он отменил свои постановления, ущемляющие донатистов¹¹, и в его письмах к Александру Александрийскому и Арию накануне Первого Вселенского собора¹², и в его письме к Арию после этого собора¹³.

1700 лет тому назад римские императоры, проявляя особую симпатию к Христианству, объявили о всеобщей религиозной свободе. На наш взгляд, и Миланский эдикт по своему духу, и религиозная политика Константина Великого, вполне соответствует тем представлениям о веротерпимости, которые отражены в священных библейских текстах, в основе которых лежит любовь к Богу, к сотворенному по образу Бога человеку, уважение к свободе выбора человека, лежит стремление видеть всех едиными в любви и к Единому Богу, и ко всем людям. В свободе, о которой говорит эдикт, нет безразличия к человеку, к религии и к религиозному выбору человека.

Современное понимание веротерпимости, основанное на признании высокого достоинства человека, на уважении к свободе человека, уходит

¹¹ См.: Болотов, В. В. Лекции по истории Древней Церкви. Том 3: История Церкви в период Вселенских соборов / В. В. Болотов. М., 1994. С. 46-47.

¹² См.: Деяния Вселенских соборов. СПб.: 1996. Т. 1. С. 29-38.

¹³ См.: Сократ Схоластик. Церковная история / Сократ Схоластик. М.: РОССПЭН, 1996. С. 50. (Книга 1. Глава 25).

своими корнями и в библейское понимание, и в Миланский эдикт. Но в отличие от Библии и от Миланского эдикта, веротерпимость в современном понимании зачастую есть индифферентность в отношении к религии. Это терпимость на фоне религиозного безразличия, чего нет ни в Библии, ни в Миланском эдикте.

Современное законодательство, отстаивая идею веротерпимости, стремится привести в равновесие личную свободу и общественный интерес, стремится сделать так, чтобы личная свобода одного человека не вступала в конфликт с личной свободой другого, чтобы человек жил и верил, не мешая жить и верить другим. При этом вопрос об истине оказывается вне поля зрения. Возможно, что такая дистанцированность от проблемы истинности той или иной религии, такой религиозно безразличный компромисс имеет свои преимущества в нашем сложном, полирелигиозном и поликонфессиональном мире. Однако библейский взгляд на веротерпимость несколько иной. Библия говорит о терпимости с небезразличием, терпимости к другим в ожидании их обращения к истине.